

Научная жизнь

ВЫГОТСКИЙ, РУБИНШТЕЙН И МОСКОВИЧИ

В прошлом году в Институте психологии РАН состоялась международная конференция «Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и социальные представления», которая была организована при поддержке Дома наук о человеке (Париж) и Президиума Российской академии наук (Москва). Целью конференции было: сопоставить некоторые основные психологические теории, разрабатываемые в России и во Франции, чтобы выделить наиболее существенные результаты психологических исследований в обеих странах и иметь возможность использовать научные результаты, полученные в одной стране, – в другой. В конференции принимали участие российские и зарубежные ученые. Атташе по культуре французского посольства в Москве А. Берелович обратился к участникам с приветственной речью. Член-корреспондент РАН А.В. Брушлинский передал приветствие участникам конференции вице-президента Российской Академии наук, академика В.Н. Кудрявцева.

В конференции принял участие *Серж Московичи* (Франция), разработавший со своими учениками теорию социальных представлений. Останавливаясь на основных положениях своей концепции, Московичи подчеркнул, что идея социальных представлений – давняя; у ее истоков стояли Дюркгейм, очертивший «основные контуры исследовательской программы коллективных представлений, и Леви-Брюль, преобразовавший это общее понятие в концептуально разработанное, хотя и несколько фрагментарное». Анализируя влияние этих интеллектуальных источников на Пиаже и Выготского, Московичи отметил, что последние «описывают ребенка как Леви-Брюль – примитивные общества. Здесь тоже играет роль принцип сопричастности». Анализируя взгляды Выготского, С. Московичи отметил, что тот произвел антисолипсистский поворот. «Выготский рассматривал не солипсистского индивида. Идея от внешнего к внутреннему – это приоритет психики другого. Для Выготского "Я" – это другой. В то время как для большинства психологов другой – это "Я". Выготский пытался показать связь между коллективным представлением и представлением индивидуальным». Московичи подчеркнул ограниченность взглядов Выготского, определяемых теорией закрытой революции.

В своем докладе *А.В. Брушлинский* (Россия), рассматривая проблему социальности, привел три концепции социальности людей и их психики. По его мнению, самой влиятельной является теория французской социологической школы, с точки зрения представителей которой – Дюркгейма, Леви-Брюля и их последователей – социальность сводится преимущественно к идеологии, к коллективным представлениям, вообще к сознанию.

Ученые, использующие и развивающие наиболее перспективные положения философии К. Маркса (учение раннего Маркса о духовно-практической деятельности человека), разработали иную концепцию социальности, во многом альтернативную той, которую представляют создатели французской социологической школы, и преодолевающую существенные недостатки последней. В их числе С.Л. Рубинштейн отмечал следующие: выпадение из социальности общественной практики; сведение социальности к идеологии и определение всей психики индивидуума коллективными представлениями, внедряемыми в него обществом. Рубинштейн и его ученики творчески и экспериментально разработали субъектно-деятельностный подход и концепцию, преодолевающую выше перечисленные недостатки. Здесь исходной основой для развития социальности выступает совместная практическая деятельность в единстве со всей психикой человека – общественным и индивидуальным сознанием, и бессознательным. Субъектом такой деятельности является человечество в целом и внутри него различные общности людей и индивиды, взаимодействующие друг с другом.

Еще одна концепция социальности, идущая от Э. Кассирера, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского и др., разрабатывается, начиная с 20–30-х гг. и до настоящего времени. По их мнению, она не сводится к двум предыдущим концепциям, поскольку главным фактором социальности

признается знак, символ, речь и т.д., отличающие людей от животных. Отметив, что среди специалистов нет единства взглядов по вопросу о том, как квалифицировать эту знаковую теорию (одни считают ее разновидностью вышеупомянутой психологической концепции французской социологической школы, другие, напротив, видят в ней источник или реализацию деятельностного подхода, вообще деятельностной парадигмы), Брушлинский указал, что в общей трактовке социальности знаковая теория в основном остается на позициях психологической теории французской социологической школы.

В самом широком смысле социальность – это всегда неразрывные взаимосвязи между людьми во всех видах активности, это многообразие всех взаимодействий человека с миром. Социальность весьма многогранна и проявляется не в одной, а в различных формах на уровне: индивид, группа, нация и т.д. Это обстоятельство не всегда учитывается и нуждается, по мнению автора, в закреплении специальной терминологией. Желательно различать обычно отождествляемые два понятия (и термина): 1) социальное и 2) общественное. Всегда связанное с природным социальное – это всеобщая, исходная и наиболее абстрактная характеристика субъекта и его психики в их общечеловеческих качествах. Общественное же – это не синоним социального, а более конкретная типологическая характеристика бесконечно различных проявлений всеобщей социальности: национальных, культурных и т.д. Любой человеческий индивид не менее социален, чем группа или коллектив, хотя конкретные общественные отношения между данным человеком и другими людьми могут быть самыми различными (в условиях того или иного общественного строя, в определенной стране и т.д.). В итоге социальное, общественное и индивидуальное соотносятся как всеобщее, особенное и единичное.

М.Г. Ярошевский (Россия) в своем докладе отметил, что обострение в конце 20-х годов кризисной ситуации в психологии стимулировало поиски новых перспектив разработки ее проблем. Обсуждение этой ситуации Политцером и выдвинутая им идея построения психологии в терминах драмы привлекли внимание Выготского. При всей неопределенности методических установок Политцера, его общая стратегическая переориентация благотворно сказалась на Выготском. После прочтения статьи Политцера «Критика основ психологии» он делает ряд важных набросков о путях построения конкретной психологии как нового направления, ставящего задачей преобразование этой науки на началах, намеченных автором статьи.

Доклад *И. Марковой* (Англия) развивает теорию Московичи. По ее мнению, рубинштейновская теория познания и теория социальных представлений имеют ряд общих философских посылок, однако их разработка ведется применительно к взаимодополняющим аспектам действительности. В докладе затронуты и общие философские предпосылки обеих теорий, и комплементарные сферы их приложения.

Согласно рубинштейновской теории познания (так же как и теории Выготского), для развития способности к независимому мышлению ребенок должен освободиться от ограничений социального окружения. Образование и научные понятия способствуют развитию независимого мышления, критического суждения и уверенности в себе. В процессе познания индивид учится все более познавать и себя и свое окружение как когнитивно достижимое и потенциально изменяемое. В этом процессе индивид становится субъектом, а веянь – объектом. Теперь они находятся в субъект / объектном взаимодействии.

С точки зрения выступавшей, теория социальных представлений является прежде всего теорией уровней познания. Она направлена на обнаружение того, как индивиды и группы выстраивают относительно стабильный и предсказуемый мир на основе разнообразных явлений. В отличие от большинства других теорий уровней познания, теория социальных представлений имеет дело с взаимозависимостями между сознательными и рефлексивными процессами мышления, с одной стороны, и с бессознательными, привычными и автоматическими мыслительными процессами – с другой. Фокусом теории социальных представлений являются процессы, противоположные и комплементарные тем, о которых пишет Рубинштейн (и, соответственно, тем, о которых идет речь в теории научных понятий Выготского и в теории мышления Болдуина). В частности, теория социальных представлений изучает, как и каким образом существующие в обществе формы познания и мышления «замораживают» развитие мышления индивида; как они препятствуют его свободному мышлению и навязывают определенный способ понимания слов, событий и объектов. Сила и власть социальных представлений состоит в их имплицитности, в недостаточном осознании индивидом их существования; по Московичи, чем менее осознаны социальные представления, тем более они сильны.

Таким образом, индивид может оказаться между двух огней: с одной стороны, образование и процессы научного исследования стимулируют развитие независимого мышления и эксплицитного выражения понятий, – с другой стороны, структура существующего в обществе знания и

непрогоовариваемые табу накладывают запрет на независимое мышление и стимулируют циркуляцию относительно стабильных и имплицитных возврений.

Теория социальных представлений и теория познания Рубинштейна предполагают существование взаимозависимости между субъектом и объектом. Рубинштейн отчетливо различает объект и вещь (объект и бытие). В то время как «вещи» или «сущности» существуют независимо от субъектов, объекты являются взаимозависимыми от субъектов. Деятельность субъекта оказывает влияние на объект, а объект воздействует на субъекта. Они обеспечивают развитие или изменения друг друга. Социальные представления тоже невозможно концептуализировать или эмпирически выявить независимо от мыслительных процессов и деятельности индивидов. Человек не только воспроизводит онтологическую реальность, но включен также в эпистемологический процесс и в деятельность, в результате чего изменяется его онтологическая реальность.

Маркова подчеркнула, что в последние два десятилетия теория социальных представлений стала самой влиятельной социально-психологической теорией в Европе. Разные исследователи разрабатывают различные аспекты этой теории.

В докладе *К.А. Абульхановой-Славской* (Россия) освещались итоги исследования российского менталитета; был охвачен весь комплекс социальных представлений: моральные, политические, экономические, правовые, т.е., выражаясь термином Дюргейма, коллективные представления. Кроме того, были изучены представления, названные личностно-ориентированными, о Self (Я), об ответственности, деятельности, профессии, личной жизни и интеллекте (об умном человеке). Последний комплекс вопросов включал своеобразную имплицитную концепцию личности. В результате проведения исследования была получена характеристика целостного гештальта – русского менталитета, его особого качества, особой целостности, которая может служить основанием его сравнения с менталитетами других стран.

По мнению автора, специфика менталитета и его интеграла заключается в явном преобладании моральных представлений над политическими, правовыми и экономическими. Вторым стержнем российской ментальности является представление о себе (Self), которое неразрывно, синкетически связано с представлением об обществе, что, по-видимому, является наследием тоталитаризма. Представления о себе и обществе, при их неразрывности, выступают в разных категориях. Одни лица представляют себя в качестве объектов, а другие – в качестве субъектов. В тех же категориях – субъекта и объекта – они представляют общество.

Сделано два вывода: 1) множество существующих концепций "Я" рассматривает его как структурно-обособленное образование, проводят дифференциацию между приватным и общественным "Я", в структуре отечественного самосознания "Я" срослось с обществом; 2) одновременно с этой общностью как характеристикой менталитета в целом, в нем обнаружилась и дифференциация. Представления о способе связи "Я" и общества дифференцируют российскую ментальность на разные группы.

После выявления представлений о Self, на той же выборке было проведено изучение шкал социальных ценностей (ориентаций), социального мышления и удовлетворенности. Основным результатом исследования явилось эмпирическое доказательство того, что типы сознания, выявленные по комплексу параметров: самосознание (self), ценности, социальное мышление и удовлетворенность, оказались присущи представителям определенных групп – интеллигентам, предпринимателям, рабочим и пенсионерам (причем особенности сознания двух последних групп мало дифференцированы). Из полученных данных можно заключить: а) при разрушении социальных связей и атомизации общества в России произошла дифференциация социальных групп преимущественно по некоему конструкту сознания и личности, образовались психосоциальные «молекулы» индивидуального сознания. Способы функциональных связей внутри разных «молекул» сознания усиливают или тормозят, блокируют социальную активность их личностей. При всех условиях можно сделать вывод, что социальное расслоение произошло по психосоциальному параметру и дифференцировало социальные слои по их возможностям. Второе касается характеристики сущности изменений, произошедших в обществе: изменения заключаются не в наличии старых или новых ценностей и даже не в осознании себя как субъекта или объекта. Они заключаются в возникшем неравенстве социальных возможностей разных групп. Это неравенство определяется не только по материально-экономическому параметру, а по способности – неспособности разных групп участвовать в социальной жизни, но, главное, по их адаптированности – неадаптированности к новым социально-экономическим условиям. Таким образом, целостность российского менталитета, опиравшаяся на его моральное начало, соборность, духовность, разрушается дифференциацией разных слоев.

Результаты исследования подтверждают правомерность и сходство концепций Московичи и

Рубинштейна: подчеркивание обоими психологами ведущей роли сознания, психологии общества. Эта роль особенно важна в России сегодня, в период резких социальных изменений.

Роберт М. Фарр (Англия) провел интересное сравнение взглядов Мида и Выготского, общие положения теорий которых демонстрируют иногда поразительные совпадения, несмотря на то, что, по мнению автора, они не были осведомлены друг о друге.

В докладе говорится о том, что тема языка и его отношения к мышлению является центральной как для социальной психологии Мида, так и для психологии Выготского. Оба ученых разделяли общее наследие немецких ученых и лингвистов. И на того, и на другого значительное влияние оказал Вундт, в особенности его десятитомная работа по психологии народов, в которой объектом исследования выступают язык, религия, обычаи, мифы, магия и феномен родства (языков и проч.). И для Вундта, и для Мида, и для Выготского представлялось необходимым развивать исследование высших психических функций в рамках социальной психологии. Это обусловлено социальной природой языка и тем, что феномен этот – уникально человеческий. Корни социальной психологии Мида следует искать в теории эволюции Дарвина. Как и Вундт, Мид пытался найти источник языка в жесте (Mead, 1904, 1934). Он полагал, что язык появился благодаря своеобразному усложнению механизма жестикуляции, в ходе эволюции выделившего человека из прочих видов животных. Люди не просто сознательны, но и способны к самосознанию. И именно благодаря языку у человека столь развито осознание самого себя. Способность к осознанию себя коренится в языке как видовой форме поведения. Уникальность человеческого рода состоит в способности его представителей выступать объектами своих собственных действий, преобразовывать самих себя.

Доклад *Т.П. Емельяновой* (Россия) был посвящен проблеме коллективной памяти, по мнению автора, занимающей особое место в социальной психологии, так как, с одной стороны, есть традиции подхода к ней с разных методологических позиций в 20–30-е гг. (особенно во Франции и Великобритании), а с другой стороны, ее забвение больше чем на полвека, когда практически не было известно ни одного исследования феномена коллективной памяти, делает ее сейчас весьма труднодоступным предметом социально-психологического изучения.

Далее Емельянова выделила трудности реализации исследовательских возможностей, среди которых она отметила: неоднозначность трактовки самого субъекта памяти; разноплановость подходов к предмету, создающую концептуальную множественность, затрудняющую соотнесение и обобщение данных; терминологические трудности. Еще одной теоретической проблемой является, по мнению автора, разведение ролей и содержания собственно памяти и мышления по отношению к историческим событиям.

Автор считает, что имеет смысл изучать коллективную память либо как процесс актуализации ее содержания, либо как процесс забывания. Объектом изучения в обоих случаях может быть социальная логика этих процессов, то есть их связь с актуальной жизнью группы, ее потребностью в защите, социальной идентичности, переживании связанных с этим эмоций. Тем самым можно сосредоточить внимание на злободневном и креативном характере коллективной памяти как атрибуте социальной группы. Далее автор говорит, что отталкиваясь от достаточно хорошо изученных в общей психологии основных процессов и механизмов памяти, можно предположить, что логика развертывания мnestической деятельности может быть сохранена и для анализа коллективной памяти: запечатление – переработка информации – сохранение (или забывание) – воспроизведение. Однако определение «коллективная» обязывает к специфической трактовке этих процессов, поскольку такая память – это и память группы, и поколения, и нации. Если в процессе переработки информации индивидуальной памятью участвуют личностные компоненты, то в случае коллективной памяти большую роль играют социально-экономические и политические факторы.

Опираясь на понятие социальных представлений, Емельянова сделала вывод, что эмоционально-оценочная сторона социальных представлений еще более значима в мnestической активности групп, чем в случае автобиографических воспоминаний. Это свойство коллективной памяти очевиднее всего проявляется именно в процессе воспоминания, всегда детерминированного групповыми интересами. Сила эмоционального заряда некоторых воспоминаний позволяет их считать основой психологического единства нации.

Далее автор рассказала об исследовании, которое было проведено в двух социальных группах России: среди людей старшего поколения (от 70 до 80 лет) и младшего (от 18 до 25) по опроснику, касающемуся событий Великой Отечественной войны. Оно дало любопытные результаты, заставляющие еще раз задуматься о соотношении аффективного и когнитивного в коллективной памяти и ее природе в целом.

Ю.К. Корнилов (Россия) рассмотрел проблему практического мышления и проанализировал исследования этого феномена, выполненные классиками российской психологии – Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном, отметив, что в них необычайно остро обсуждаются грани практического мышления: в чем его социальная и знаковая природа, какова его связь с речью. По его мнению, эти представления вряд ли связаны с практическим мышлением, поскольку несмотря на социальную обусловленность последнего по целому ряду характеристик, оно все же отличается от них. Вместе с тем, обращает на себя внимание близость социальных представлений теоретическому мышлению: тесная связь с речью, направленность на объяснение и понимание и т.п.

В докладе *В. Дуаза* (Швейцария) констатировался факт, что в последние годы на работы Выготского стали ссыльаться довольно часто. Он проанализировал причины такого пристального внимания к его творчеству. Называется одна из важных причин этого – публикация в начале шестидесятых годов его книги «Мышление и речь». С момента этой публикации и после многочисленных переводов «Высших психических функций» в семидесятых годах, его творчество стало известнее, а многие идеи активно обсуждаются на Западе. Выступающий выдвинул следующую гипотезу: Выготского можно причислить к той группе ученых, которые, являясь крупными теоретиками, производят множество идей и тем самым позволяют другим ученым экспериментально изучать эти проблемы. В западной и восточной психологии Выготский считается крупным теоретиком, благодаря идеям которого стали развиваться такие проблемы, как исследование влияния социального и культурного факторов, общения на развитие индивида и др. Вместе с тем, в западной культуре доминируют экспериментальные исследования и поэтому изучение более конкретных механизмов именно здесь будет развиваться быстрее, чем в восточных странах, и особенно бурно – в Соединенных Штатах. Эта тенденция может быть прослежена при анализе ключевых слов и аннотаций в журналах, издающихся на Востоке и Западе.

Далее автор высказал предположение, что ожидаемые исследования позволят сделать существенный вклад в обсуждение интерпретаций идей Выготского – и высказал солидарность с позицией *Garai* и *Kocska* (1995) в том, что теория Выготского может сыграть существенную роль в процессе определения общей ориентации для разрозненных исследований в западной психологии. По мнению автора, можно объединить все эти наблюдения и идеи одной задачей – обсуждения роли общих направляющих идей в ориентации конкретных исследований и автоматизации процессов, характеризующих данные исследования.

На примере прилагаемых к докладу таблиц автор подробно остановился на структуре данных, основанных на отобранных 422-х научных психологических статьях, опубликованных за последние 20 лет (с января 1974 по декабрь 1993), в которых имя Выготского упоминалось либо в названиях, либо в аннотациях (включая ключевые слова и фразы).

На основе проведенного анализа был сделан вывод, что значение Выготского для психологической науки многозначно. Он наметил гораздо больше направлений, чем современная когнитивная психология. Иными словами, его работы представляют разные области психологической науки. Важным оказался взгляд Выготского на психическое с позиций социального, который был достаточно оригинален вне его исторической, политической и культурной традиции. Психологи из Западной и Восточной Европы восприняли его гораздо раньше своих американских коллег. Восточная Европа ориентирована на социальные аспекты теории Выготского, тогда как ученыe Западной Европы интересуются конкретными вопросами функционирования психического (его познавательного и лингвистического аспектов).

Доклады вызвали большой интерес присутствующих, развернулась оживленная дискуссия. В ней приняли участие молодые ученые: *М. Няголова* (Болгария) рассказала о работах Рубинштейна, в которых он делает подробный анализ французской социологической школы; *Л. Збанкэ* (Россия) – о pilotажном исследовании представлений о справедливости, теоретико-методологической основой которого являются положения концепции социальных представлений *Московичи*; *А.Н. Занковский* (Россия) представил анализ развития индустриальной / организационной психологии и выдвинул гипотезу, в которой предположил, что индустриальная / организационная психология и управление в целом (на Западе) до сих пор игнорирует ставший уже тривиальным постулат о социальной сущности человека, но не в формальном, а в психологическом смысле. Иными словами, организация – это не только формальная совокупность индивидов слишком различных, чтобы образовывать нечто, объединенное одной целью, но и совокупность представлений. Изучение и формирование социальных представлений в этом смысле может открыть пути повышения организационной эффективности.

ности. В качестве примера такого исследования был предложен оригинальный метод когнитивных репрезентаций и изложены результаты эмпирического исследования, проведенного в российских и японских компаниях.

Активная дискуссия свидетельствовала об актуальности обсужденных на конференции проблем и о плодотворности научных дискуссий, проводимых учеными из разных стран и с разных точек зрения.

Е.В. Пащенко, Москва

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОТЕРАПИИ И ИХ КЛИНИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

(К ИТОГАМ И ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПСИХОТЕРАПИИ)

Российская психотерапия переживает сейчас сложный, но и удивительный период становления. Формируется пространство психотерапевтических знаний, растет количество психотерапевтов и качество их работы, возникает синтез новых психотерапевтических техник, в основном приходящих к нам из-за рубежа, и российских психотерапевтических и культуральных традиций. Отхлынула волна "целительства" и мракобесия, оставив "раненых и покалеченных". Насколько широко поле деятельности для психотерапевта, показала I Всероссийская учебно-практическая конференция "Современные направления психотерапии", проведенная в середине 1996 года в Подмосковье. Конференция была организована негосударственным Институтом психотерапии при поддержке Минздравмедпрома РФ и кафедры психотерапии РМАПО; ее проведение было приурочено к 30-летию кафедры, первой в России. В конференции приняли участие 435 специалистов из России, стран СНГ, Прибалтики, Финляндии, США.

Конференция отличалась многообразием тем для плодотворного сотрудничества, обращенного к интересам "человека и пациента". Особый интерес участников вызвали пленарные заседания на темы: "Экология и правовые аспекты психотерапии", "Подготовка психотерапевтических кадров", где было изложено много точек зрения и разгорелись жаркие дискуссии.

Практически все психотерапевтические направления были представлены на 21-й секции конференции: когнитивная и поведенческая психотерапия; суггестивная психотерапия, эриксоновские гипноз и терапия; экзистенциальная терапия; психоанализ и юнгианский анализ; трансперсональная психотерапия; гештальттерапия; психодрама; психосинтез; трансактный анализ; нейролингвистическое программирование; арттерапия; телесно-ориентированная терапия; семейная терапия; интегративная психотерапия; наркология; психодиагностика; детская и подростковая психотерапия; психотерапия в образовании; психосоматические расстройства в общесоматической клинике; психотерапия кризисных и экстремальных состояний.

В рамках конференции состоялось заседание Русского психоаналитического общества под председательством проф. А.И. Белкина.

Участники конференции были едины во мнении, что в наше нестабильное время человек должен получать психотерапевтическую помощь еще до рождения. Это на первый взгляд парадоксальная позиция проявилась в создании секции психосоматических расстройств в акушерской и гинекологической практике, включая вопросы пренатальной психологии, которую возглавил проф. Г.И. Брехман из Иванова.

Обмен информацией, всегда представляющей интерес для профессионалов, на конференции подкреплялся демонстрацией психотехник, распространением материалов, занятиями в творческих мастерских. На пленарных и секционных заседаниях было сделано 197 докладов, проведено 25 семинаров, 15 "круглых столов", 173 воркшопа.

Организатор конференции – Институт психотерапии – еще раз доказал, что его стратегия состоит не в утаивании психотехнологий и сокрытии психотерапевтического ноу-хай, а, наоборот, – в обеспечении доступа к ним специалистов. С этой целью в институте созданы постоянно действующие семинары для совершенствования квалификации психотерапевтов, психологов, психиатров и педагогов. Пройти первоначальную подготовку по любому из выбранных направлений могут все желающие. Свободная творческая атмосфера, привлечение к преподаванию ведущих зарубежных и отечественных специалистов способствуют эффективности подготовки и создают хорошую репутацию институту и его студентам.

Участники конференции признали, что внедрение современных психотехнологий в новых